

Михаил Небогатов СВОЕЙ ДОРОГОЙ

Рецензия на книгу стихов Виталия Крёкова «Лицо твоё». – Кемерово, 1980
// Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 15 июля. – С. 4.

Недавно вышла в свет первая книжка молодого кемеровского поэта Виталия Крёкова «Лицо твоё». Читателям «Комсомольца Кузбасса» это имя уже знакомо. Виталий Крёков – поэт настоящий, неподдельный. Некоторые стихи в книжке трудно поддаются обычному построчному разбору. Прочтёшь то или иное стихотворение – и чувствуешь, я хочу подчеркнуть, сердцем чувствуешь, а не рассудком понимаешь, что перед тобой крепкие поэтические строки. Однако объяснить себе (и тем более другим), что это действительно поэзия – сложная задача.

Как правило, почти у каждого поэта можно найти стихи или строчки, в которых он выражает своё творческое кредо, основы своего мировоззрения и мироощущения. Есть это и у Виталия Крёкова – четыре небольших стихотворения под общим названием «Музе». Вот одно из них, заключительное:

Всё, чем я жил, всё, что во мне имелось, –
Открылось сердцу у твоей груди.
С тобой мне расставаться
не хотелось,
И взгляд твой говорил: не уходи.
Мне, жаждущему, было это много –
Ведь обветшало прошлое кругом.
Осталась ты – как ясная дорога,
Которая ведёт в родимый дом.

В этих строчках ничего нет загадочного. Поверяя гармонию алгеброй, мы совершенно определённо видим позицию автора: я, говорит он, взялся за перо затем, чтобы доверчиво открыть людям всё, чем живу, что в себе имею, союз с музой у нас крепкий, я пришёл к ней по нраву, она не оттолкнула меня, наоборот, сказала: не уходи; и я пошёл по жизни рука об руку с ней, и наша дружба – как ясная дорога ко всему, что дорого на земле, словно родимый дом. И ещё обратим внимание на такую значительную строчку, как: «Ведь обветшало прошлое кругом». В ней – намёк на то, что поэт не собирается следовать по чьим-то стопам, кого-то повторять, у него – он чувствует это! – достаточно сил для того, чтобы проявить свою самобытность. Похвальная уверенность в себе, которая, кстати сказать, подкрепляется на деле многими строчками.

И хлеб, и соль, и винограда гроздь,
И сотни дней торжественных и разных...
О, жизнь, в твоих глазах я скромный гость,
Пришёл к тебе на самый главный праздник.
Так властвуй, коль такая власть дана.

Твой свет величье помыслов умножит.
Как отрочество гения, весна
Меня апрельским воздухом встревожит.
Я вскину руки, твой услышав зов,
Очеловечу небо голубое.
И буду плакать. И не хватит слов
Воспеть своё величие земное.
Так я живу и тихим гневом зол
На то, что столько нам ещё бороться,
Чтоб каждый в сердце каждого вошёл,
Облитый светом утреннего солнца!

Хорошим стихотворением открывается книжка, оно – как точный камертон для всех последующих стихов. По-детски наивно-восторженное преклонение перед высоким светом жизни, перед всем прекрасным в ней, особенно перед человеком, который всегда жаждет быть только другом, братом, подобным себе. И не его, скромного гостя на земле, вина, что людям ещё бороться и бороться за своё человеческое единство – немало ещё на свете тёмных сил...

Лучшие стихи книжки – те, в которых для выражения чувств автор находит самые прозрачные, по-человечески простые слова:

...Наша бедность... В бурьяне избушка
Да ведро над печною трубой,
Много неба и хлеба горбушка
В летний день с родниковой водой.
Одуванчиков жёлтых обновы,
На прополке картофеля мать.
Неустанно, как доброе слово,
Хорошо это всё вспоминать.

Да, мы ничуть не преувеличиваем, говоря о самобытности Виталия Крёкова. Не найти в литературе ни одного поэта, который не написал бы с восхищением и радостью о таком чудесном времени года, как весна. Свои слова и краски сумел найти Виталий Крёков в стихотворении, которое так и называется – «Весна»:

Когда весенний день, как голос нежный,
Истает до прозрачной глубины,
Войдут берёзы в свежие одежды
И сосны зашумят из новизны.
И вот тогда увижу я – о, люди –
Не цепь веков, но лишь единый век.
Вдохнув голубизны, я полной грудью
Скажу: «Как ты прекрасен, человек!»

Сквозь душу поэта проходит многое – и всё это преимущественно светлое, праздничное, красивое. Вот обращение к любимой: «В слиянье губ – я принимаю душу. Целуя руки – принимаю плоть. О, нежная! – в стыду морозных кружев возьму тебя, как бабочку, в щепоть». Даже в разрыве с

любимой душа поэта не омрачена, не подавлена безысходностью; говоря пушкинскими словами, печаль героя светла: «Переживу я слов невзгоду. Из уст любимой. До конца. Но в памяти, как в чистых водах, – черты прекрасного лица. Всё, что молчанием творилось, всё, что ласкало взгляд и слух... На мне ещё не отструилось прикосновенье этих рук». Обращаясь к таким вечным темам, как жизнь и смерть, Виталий Крёков и здесь умеет оставаться оригинальным: «И люди, коих рок на землю бросил... Пусть навсегда исчезнут их следы, но каждый жил и нёс в большую осень кто сладкие, кто горькие плоды».

Здесь бы, на одобрительной оценке и поставить точку, но «Какая-то большая небыль, которую мне не понять: земля вот-вот сольётся с небом и время повернётся вспять. Ноябрь в холодную обнову поля и кровли облачил. А я от царственного слова, как раб, свободу получил». Согласитесь, автора трудно понять. Вначале предлагается что-то пейзажное, а в конце – загадочно-туманное философствование по поводу свободы от царственного слова. Чьё оно? Что означает? На первый взгляд (может быть, не только на первый), поэтично сказано: «И в тишине твой голос зазвучал обветренною кожей берёзы», но образ этот слишком уж замысловатый, сверхоригинальный.

В лучших своих стихах Виталий Крёков по-хорошему самостоятелен, самобытен. Однако некоторые его вещи написаны под явным влиянием Есенина, под воздействием первой половины творческой жизни замечательного русского лирика, которая характерна церковно-христианскими мотивами. Вот примеры такого подражания в книжке «Лицо твоё»: «Наша бедность граничила с богом... Когда безгрешным телом на голгофе запылают русские поля... Искали наших солнцеликих жриц большого человеческого храма... Пост осени. Пора проститься мне... То юная берёзка... поднимет к небу невесомый перст... Во имя новых начинаний на ладан снега дышит лес... (Разрядка моя. – М. Н.)

Хотелось бы, чтобы Виталий Крёков, поэт действительно подлинный, настоящий, правильно воспринял критические замечания: они продиктованы единственным желанием – помочь ему избежать существенных недостатков в его дальнейшей творческой работе.